

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА

РАССКАЗ

О том, что верующие задумали поставить церковь в деревне и уже начали её строить, мы с женой не знали. Но однажды весной, в первый день дачного сезона мы увидели со своего холма незавершённый маленький храм в нижней части поселения и очень удивились.

Пошли посмотреть храм поближе.

Его бревенчатая коробка с куполом без креста стояла на задах приречной улицы, на высоком берегу, вблизи жилых домов. Река в этом месте расширялась, образуя небольшой залив. Дальше в обе стороны её маскировали прибрежные деревья и кусты, всюду зеленевшие под весенним солнцем, а над заливом берег был гол, и церковка гляделась с высоты в зеркало воды.

Было тепло. От реки веяло свежестью. Заводь блестела. Мы прошлись вокруг недостроенной церкви. В двух её боковых стенах зияли широкие окна без стёкол — по два с каждой стороны, — а задняя стена словно вздулась от расширения коробки под будущий алтарь. Над крыльцом, к которому мы вернулись, в поднавесье открылась дверь. В двери показалась наша хорошая знакомая Полина, набожная женщина. Она пошла по тесовым ступенькам с перилами и, завидев нас, улыбнулась.

— Нравится? — сказала Полина. — Здравствуйте! Давно не виделись!

— Здравствуй! Очень нравится! Стоим, любимся! С этого начали дачный сезон!

Моя жена обнялась с ней. Они с Полиной не просто знали, но дружили. Я пожал знакомой руку и опять вскинул глаза на возводимый храм.

КАРЫШЕВ Альберт Иванович, бывший моряк, окончил мореходную школу в Архангельске и кораблестроительный институт в Ленинграде. Работал инженером по ремонту подводных лодок. Сейчас член Союза писателей России, автор нескольких книг прозы. Живёт во Владимире.

— Похоже, будет как игрушка. Пропорции выверенные. Формы простые, ясные, умиротворяющие. Куполок восхищает яркой синевой и серебряными звёздами, рассыпанными по синеве... Кто же её строит?

— Руководит Доронин, он мастер; сам и строит вместе с Масленниковым и Петровым, — сказала женщина. — А мы все, кому не лень, у них на подхвате, выполняем подсобную работу.

— А кто затеял это славное дело? Кто денег дал? Тоже Доронин?

— Если коротко, то всё получилось так, — охотно отвечала Полина. — Наши верующие давно мечтали о церкви в деревне. До ближайшей-то, что в посёлке, от нас десять километров. Легко ли древним старушкам ездить туда на молебен всякий раз, как душа запросит? Даже в двенадесятые праздники, под руку с роднёй, им тяжело бывает дойти до автобуса, сойти с него в посёлке и добраться до церкви, особенно в непогоду. Вот и явилась к Доронину делегация, он ведь ещё и небедный человек, предприниматель: помочь поставить в деревне храм Божий. Помогу, говорит. Но если я его построю целиком на собственные деньги, то он будет как бы мой личный, а не общий. Поэтому собирайте с миру по нитке, а я добавлю и построю. Мы и взялись. И теперь собираем. В церкви стоит железный ящик с прорезью, запёртый на замок, и все, кто заходит, опускают в него пожертвования. Сперва, конечно, долго молились, чтобы церковь в деревне была.

— Мудро поступил ваш Доронин, — сказал я. — Разумный человек. Ни слов, ни денег на ветер не бросает.

— Замечательно! — добавила моя жена. — Чудесно, когда всем миром!

— Всем миром, — подтвердила Полина.

— Молодцы! — сказал я. — Вспоминается известное стихотворение Некрасова, одно его четверостишие, которое было как-то мало популярно во времена поголовного атеизма:

*И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...*

— Ой, как хорошо! — сказала Полина. — А дальше?

— Дальше ничего нет. Это конец стихотворения о великом грешнике, который глубоко раскаялся, надел вериги и пошёл по Руси великой собирать деньги на Божий храм.

— Вон как!..

Мы втрём, щурясь от солнца, полюбовались общественной стройкой. Брёвна в коробке храма, сложенные очень аккуратно, были промазаны каким-то раствором, предупреждающим гниение, и от раствора они красиво пожелтели. Барабан под синим куполом — луковицей с отростком — мастера pokrыли шоколадной краской, а четырёхскатную крышу с четырьмя слуховыми окнами тоже высинили, светлее, чем купол, и с добавлением зелени, причём концы скатов (стрехи) так подогнали один к другому, что казалось: стройная шея церкви выглядывала из нарядного замкнутого воротника. Коробку поставили на каменный фундамент и высотой, вместе с куполом, сделали в двухэтажный дом. Над храмом было чистое небо. Скоро церковь коснётся его вершиной креста.

Полина сказала, поправляя белый платок на голове, завязанный во круг шеи:

— Вот что интересно. Когда я зимой поехала во Владимир к родным и стала молиться в Успенском соборе, как-то раз со мной заговорила одна хорошо одетая женщина, я её раньше не встречала. “В вашей деревне, — говорит, — строится церковь, так, пожалуйста, передайте от меня на её строительство двадцать тысяч рублей. Я вас тут в прошлую службу заметила и деньги припасла”. Я удивилась, поблагодарила и спрашиваю: “А вы кто? Откуда вам известно, что у нас строится церковь, и почему меня знаете?” “Зовут меня Зинаидой, — отвечает. — Живу я во Владимире, но осенью ездила в вашу деревню по грибы, гостила у Редькиных и видела вас на

стройке...” В соседних деревнях вот тоже прослышали и собрали немало денег на строительство церкви. А был ещё такой случай. Заехал к Доронину откуда-то приятель, бизнесмен, и отдал на церковь аж сто пятьдесят тысяч рублей. Разве не чудеса? Сам Бог помогает строить всем миром!.. Ну, а я и другие жертвуем, конечно, поменьше, соответственно достатку.

— В церкви-то недостроенной что делала? — спросила Вера Владимировна.

— А я всегда при ней, конечно, не одна. Сейчас порядок наводим, оба раза собираем для иконостаса, готовимся к воздвижению креста. Ящик для пожертвований стержём.

— Когда же предполагается поднять крест?

— Пока не знаю. Как узнаю, скажу вам. Если желаете, зайдите в церковь, посмотрите. Там моя соседка осталась. А я побегу. Хозяйством тоже надо заняться, не то муж из дома выгонит.

Она засмеялась, простилась с нами и пошла дальше. Мы посмотрели ей вслед. Полина была не просто набожна, а набожна чрезвычайно. Женщина знала все установления церкви и её святых, помнила многие молитвы, ходила с паломниками и не пропускала ни одной праздничной службы в поселковой церкви. Земляки признали её главной богомолкой деревни и знатоком православных дел. Она носила юбку до пят и непременно повязывалась платком, но была ещё сравнительно молода, со стройной гибкой фигурой и лёгкими движениями.

Мы зашли в церковь, поздоровались с соседкой Полины и осмотрели тесноватую молитвенную комнату, в которой стояли две потёртые кафедры, небольшой стол с железным ящиком на нём и два напольных подевичника в углу. Нашу скромную лепту мы тоже опустили в ящик.

Это Доронин надумал заложить храм внизу, над рекой, узнали мы от Полины, тогда как в холмистых краях церкви принято ставить на возвышенном месте. Чтобы не тратить время, силы и деньги на получение земли под строительство, попечитель отдал собственный участок, посоветовавшись с земляками относительно расположения храма. Все его поддержали, тем более, что в нижней части деревни народу проживало куда больше, чем в верхней.

Воздвижение креста приурочили ко дню Успения Пресвятой Богородицы. Подготовили крест. Позвали батюшку, отца Георгия из поселковой церкви, а вместе с ним приехал на своём авто священник высокого звания: благочинный, отец Артемий. Договорились с автокрановщиком. И в праздник, 28 августа, к десяти часам утра в сторону заветной стройки потянулись люди. Возле церкви собралось человек сто: верующие и любопытные, крестьяне и дачники, местные и гости из соседних деревень, правда, женщин было больше, чем мужчин. Многие принесли садовые цветы. Утро выдалось тёплым, безветренным и даже столетние зябнущие старушки оделись не слишком тепло. Мы с женой поглядывали на собравшихся, приветствовали знакомых и тихо делились впечатлениями. Были тут и пожилые, и молодые. Все оделись празднично, и у всех лица приняли благостное миролюбивое выражение. Кое-кого из тех людей, с кем нередко общался или просто здоровался на улице, я теперь не сразу узнавал: “Кожечкин или не он — этот чистый трезвый мужичок?” — “Телякова или не Телякова — та смиренная почтенная женщина?” Одиноким пенсионер Кожечкин прежде встречался нам небритым, неопрятным и негрезвым, а Телякова в толпе обычно громко мыла кому-нибудь кости. И о стоявшей сбоку нас милой тонкой женщине я сперва подумал: “Кто такая?” Присмотревшись же, удивился: да ведь не раз видел её на улице или во дворе дома, за частоколом: то в огороде работала молодца, то кур кормила, то ухаживала за поросёнком.

— Глянь, какая смугляночка в цветной косынке! — шепнул я жене.

— Это Лиза Мельникова, — ответила Вера Владимировна тоже шёпотом. — Привлекательная женщина, когда нарядится!..

Возле незавершённой церкви было чисто подметено. Перед ней левее крыльца, на деревянной подставке, закрытой белой тканью, высился, прислонясь к отвесной опоре, золочёный крест. Из его вертикального стержня,

снизу ограниченного круглой пятой, выходила сквозь пята короткая стальная ножка. Правее располагался на стульях разовый иконостас, образа для которого богомолки купили или принесли из дома. Его украшали пышные цветы в вёдрах с водой, стоявших на земле. Впереди иконостаса и креста под жёлтой парчовой накидкой — кафедра, на ней — икона без оклада: образ Пресвятой Богородицы, знаменующий праздник Успения, а рядом — столик под скатёркой легко держал на себе серебряную чашу со святой водой и кропилом. На переднем плане, поближе к народу была установлена кафедра повыше, накрытая красным бархатом. На ней лежали напрестольный крест, Евангелие в солидном переплёте и молитвенник. А из-за церкви выглядывал автомобильный кран. К его жёлтой стреле, опущенной на землю, была пристроена открытая зарешёченная кабинка.

В церковь зашла Полина. Она вынесла пучок тонких свечек, распределила их по гнездам круглого церковного подсвечника, стоявшего сбоку крыльца, и зажгла, чиркнув спичкой. Тонкие стрелы пламени заколебались, но не погасли. Вышли к народу сравнительно молодые священники. Высокий и статный благочинный Артемий был в голубой ризе и чёрной камиллавке, а крепко сложенный, ростом пониже, батюшка Георгий — в ризе сиреневой и с непокрытой головой, поросшей густыми и длинными каштановыми волосами. Отец Артемий начал службу. Он благословил местных верующих и на строительство храма, и сам освятил место будущей церкви. Встав лицом к кресту перед кафедрой, он открыл молитвенник, прочёл речитативом надлежащую молитву и запел поставленным голосом тропарь в честь воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня:

— Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...

Православный народ подхватил, в большинстве тонкими женскими головами:

— Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое...

Отец Георгий в это время помахивал возле отца Артемия кадиллом. Он первым поддержал верующих в деревне, затеявших строить храм, а теперь взялся опекать их и навещать.

Повторяя вместе с благочинным тропарь, верующие встали в очередь для целования креста, готового к подъёму. Когда очередь прошла, двое мужчин осторожно взяли православную святыню с подставки и понесли к автокрану, а там третий мужчина, пока двое держали крест на весу, присоединил винтами к короткой ножке длинную, прямоугольного сечения. Длинная ножка украшалась подвижным золочёным шаром. Третий, очевидно, знаток высотного монтажа, встал в кабину, прикреплённую к стреле автокрана. Кабина была ему по грудь. Двое подали монтажнику крест, он поставил его у ног и придержал обеими руками. Заработал крановщик, застрекотал механизм подъёма стрелы, и крест под ликующими взглядами толпы, под её церковное пение медленно двинулся вверх. Сверкнув на солнце, он вознёсся над куполом и приблизился к нему. Высотник опустил руку, нагнулся и достал со дна кабины золочённый срезанный конус. Одной рукой он надел его на отросток (тоже срезанный) купола-луковицы, потом не без труда поднял крест над головой и направил стальную ножку в отверстие конуса. Ножка вошла в гнездо, устроенное под неё в полом куполе. Шар со звоном соскользнул вниз и упёрся к конусу. Крест сел на шар пятой и увенчал церковь. Верующие крестились. В небе расплылось тонкое облако, и, стоило напрячь воображение, мне почудилось, будто над церковью вырисовывается ангельский образ. Вот голова ангела в нимбе, а вот его стройное тело в длинных белых одеждах и перистые крылья, расправленные посланцем Неба в парении. Смотрит, как люди возводят церковь, и радуется. Потом улетит докладывать Богу. И ещё мне казалось, что это не тёплый воздух колеблется в отдалении над землёй, а, векинув змеиные головы, извиваются сплетшиеся гады — будто воплощённое зло уносится прочь неодолимой силой, но цеплялось за землю, стараясь удержаться поближе к храму...

День разгорался. Благочинный взял в обе руки блестящий напрестольный крест и обратился к народу с проповедью. Вначале он углубился в ту далёкую пору, когда наши предки, обживаясь на новом месте, прежде ста-

вили церкви, а за ними жилые дома. Дальше отец Артемий сказал, что деревянный храм станет беречь деревню от несчастий и помогать единению людей, собирая верующих в общину. Он напомнил мирянам про долг человеческого житья по чести и совести, пообещал договориться с владыкой Евлогием об освящении храма, когда он пополнится алтарём, а в конце поздравил собравшихся с праздником Успения Пресвятой Богородицы и пожелал всем здоровья и благоденствия.

Снова пели, теперь в честь праздника Успения, сперва величание Богородицы:

— Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего, и всеславное славим усупение Твое, — дальше тропарь:

— В рождестве девство сохранила еси, во усупении мира не оставила еси...

И опять целовали крест, уже напестольный, в руках отца Артемия; а батюшка Георгий, взмахивая кропилом, всякого в очереди обрызгивал святой водой. И крестились, крестились...

Вера Владимировна заговорила с кем-то из женщин, а я продвинулся вперёд и подобрался к пенсионеру Кожечкину. Он в раздумье потирал бритый подбородок.

— А вы что же не перекреститесь?

— Да я как-то стесняюсь, потому что не больно верующий, хоть и крещёный, — ответил Кожечкин, повернувшись ко мне. Его загорелое лицо было морщинистым, а волосы на голове, едва отросшие после стрижки наголо, белели, как сахарные. — В церковь не хожу. Молиться не умею.

— Зачем же пошли на воздвижение креста?

— Соседи пошли, и я за ними. Отчего не пойти? Всё-таки развлечение, зрелище. Народу много. Все красивые, приветливые. Священник вот интересно говорил. Курить только всё время хочется, да как-то неудобно. Никто из мужиков, смотрю, не курит.

— Мужиков-то здесь раз-два и обчёлся, — сказал я. — В основном — женщины.

— Вы сами-то сильно верующий? — поинтересовался он.

— Думаю, ещё не сильно. Трудное это, оказывается, дело — верить в Бога по-настоящему. Но стараюсь. Читаю православные книги. Захожу в церковь, выстаиваю службы, исповедуюсь, хочу всё понять в богослужении.

— В городе-то есть куда пойти, кроме церкви, — сказал Кожечкин. — А у нас — куда? Раньше хоть клуб работал. Собирались в нём по воскресеньям, кино смотрели; артисты иной раз приезжали, и своя самодеятельность была. А нынче вся культура в деревне развалилась. И не токмо культура. Ни колхоза, ни совхоза, ни начальства, ни милиции. Даже магазина теперь нет, даже бани общественной. Остаётся самогонку пить и оловянными глазами в телевизор смотреть. Ладно, буду ходить в церквушку — всё веселее. И помощи, когда надо, стану у Бога просить, больше не у кого.

— Вы, безусловно, правы. — Я не знал его имени и отчества, а теперь узнавать счёл неуместным. — Но не стоит говорить о неприятном в такой светлый праздник. Желаю вам всего доброго.

На зелёной лужайке за церковью мы уже видели два очень длинных стола под белыми простынями. Мужчины наскоро сбили их из досок. При каждом стояли по обе стороны длинные временные скамьи. Когда праздничная служба закончилась, многие направились к столам. Несколько женщин понесли из ближайших домов блюда с закусками, бутылки с напитками, хлеб, вилки, ложки — всё хозяйки приготовили заранее. Священники, уже в чёрных подрясниках, также явились к трапезе. Благочинный встал; и верующие встали, выслушали предобеденную молитву и перекрестились. Яства тут были самые простые и здоровые: винегрет, салат из огурцов и помидоров, картошка отварная, намасленная и посыпанная жареным луком, рыба, солёные грибы, а на десерт — яблоки и ягоды: черника, слива. На столах не было спиртного. Вино заменили компоты и соки. И нас с женой, людей немолодых и умудрённых жизнью, удивило, что никто из мужчин не завёл даже

шутливых разговоров о том, что не мешало бы выпить под хорошую закуску по важному случаю, в приятной компании да на свежем воздухе. А сидели за трапезой, думаю, не полные трезвенники. Я сам люблю иногда пропустить рюмку-другую...

Общественницы проходили вдоль параллельно расставленных столов, убеждаясь, что люди разместились, устроились и довольны. Мы увидели Полину и позвали её сесть с нами.

— Это тоже — всем миром? — спросил я её, кивнув на закуски и напитки.

— Ну да, — ответила Полина. — Многие принесли что-нибудь из дома.

— Что же нас не предупредили? Мы бы нашли что принести.

— Каждого разве предупредишь? Кто встретился, тому и сказали. Да вы не огорчайтесь. Тут на всех хватит, — сказала она, глядя ласково. — Угощение бесплатное. Что люди сами вырастили и собрали, то и принесли. Может, только рыбу и хлеб купили в магазине.

— Всё такое аппетитное! — сказала Вера Владимировна, с удовольствием оглядывая стол. — Всего хочется попробовать!

— Ну, и ешьте на здоровье. Бог послал, значит, всё на пользу...

Мы опять говорили о строительстве деревенской церкви, которая до тех пор будет не церковью, а часовней, пока в ней не появится алтарь. А рядом кто-то, степенно обедая, толковал о каждодневных делах, летом в деревне многообразных и бесконечных. И так приветливы и внимательны были все друг к другу, что казалось: собравшиеся бесконечно любят и уважают друг друга и отныне станут любить и уважать всегда. Мне хотелось увидеть Доронина и познакомиться с ним. Полина показала его издали. Он сидел вместе со священниками, по ту сторону нашего стола, близко к краю: человек как человек, ничего особенного, лысоватый, в белой рубашке с закатанными рукавами. Личное знакомство с ним пришлось отложить, но я мысленно сказал Доронину, что за готовность и старание поставить церковь в деревне ему на том свете простится немало грехов...

Мы с женой собрались уйти, встали из-за стола и поклонились обществу. Полина захотела нас проводить и взяла Веру Владимировну под руку. Шли медленно, молчаливо, наслаждаясь отличным днём позднего лета, когда спадает солнечный жар, задувают свежие ветерки и всё меньше становится комаров. Но, расставаясь с нами, Полина сказала, чуть запрокинув голову и подняв глаза к небу:

— Как хорошо!.. Вот ещё алтарь построим, иконостас соберём да стёкла в окна вставим и начнем отца Георгия на богослужения приглашать! Заходите в церковь! Не забывайте!

Не забываем, заходим. А то просто глядим издали на красивый сторожевой пост и святилище местных православных. И глаз радуется, и на душе легко.